

Философия войны: краткий очерк истории

Арсений Куманьков

Старший преподаватель, Школа философии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: akumankov@hse.ru.

Ключевые слова: война; право народов; теория справедливой войны; политический реализм; Блаженный Августин; Гуго Гроций; Майкл Уолцер.

Статья представляет собой краткий обзор истории осмысления войны в европейской мысли. Рассматривается хронология трансформации восприятия войны как социально-политического феномена, в частности, с позиции этики и политической теории. Автор останавливается на основных подходах античной философии к решению ключевых вопросов, связанных с моральной оценкой войны. В сочинениях Платона и Аристотеля закрепляется двойственность отношения к войне в зависимости от того, в какой мере конфликт соответствует природной справедливости. В дальнейшем, в сочинениях христианских авторов, основанием этой дихотомии станет представление о Боге как источнике справедливости.

Парадигма пунитивной, наказательной войны станет ядром христианского учения о справедливой войне. В новое время происходит

постепенный процесс секуляризации философского восприятия войны. Теологическое рассмотрение вооруженных конфликтов сменяется юридическим. В статье рассматривается влияние, которое оказал Гуго Гроций и его последователи на процесс замены пунитивной парадигмы справедливой войны легалистской парадигмой. На примере Иммануила Канта отмечается закрепление в философской повестке представлений о необходимости отказа от войн и появление проектов вечного мира. Далее автор обращается к наследию Карла фон Клаузевица для того, чтобы определить основные особенности современных взглядов на войну как практику, строго закрепленную за государством. Завершается статья сравнительным обзором подходов к определению войны, характерных для политического реализма и современной теории справедливой войны.

Что такое война?

МОЖНО согласиться с определением канадского философа Брайана Орендта: война — это широкомасштабный вооруженный конфликт между политическими сообществами; конфликт, фактически имеющий место и начатый умышленно¹. В этой формуле фиксируется политическая (в конфликт вовлечены государственные и/или негосударственные субъекты) и насильственная (использование вооруженной силы) природа войны. Еще делается акцент на том, что боевые столкновения происходят в действительности, — война представляет собой череду наступательных и оборонительных операций. Это определение позволяет отделить от войны действия в сферах дипломатии или экономики, также агрессивные или даже составляющие ее причину, но причислять их к войне означало бы утрату ею собственного специфического смысла.

Здесь я собираюсь рассматривать войну в первую очередь как предмет политической философии и этики. Мы познакомимся с тем, как в западной философской мысли воспринималась война, какие оценки давались участию в войне и способу ее ведения, как менялось само понимание этого феномена.

Античная философия о войне

Война находилась в центре внимания философов с момента появления философии. Гераклит в 53-м и 80-м фрагментах говорит о войне (*πόλεμος*) как об общем законе мироздания: «все возникает через вражду и заимообразно»², «одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными»³. Полемос определяет становление сущности вещей, значение войны-полемоса для греческого понимания бытия хорошо объяснено Хайдеггером⁴.

1. Orend B. *The Morality of War*. N.Y.: Broadview Press, 2006. P. 2.
2. *Гераклит*. Фрагменты (80 DK) // Фрагменты ранних греческих философов / Сост. и пер. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1.
3. Там же (53 DK).
4. Хайдеггер М. Введение в метафизику / Пер. с нем. Н. О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 142–144.

Уже в Античности война выступает предметом этической рефлексии. В сочинениях Платона и Аристотеля были поставлены вопросы, ставшие парадигмой моральной оценки войны: в каких случаях война считается нравственно оправданной и необходимой? что означает справедливость на войне? как должно действовать на поле боя?

Платон и Аристотель различают войну (*πόλεμος*) и распрю (*στάσις*). Слово *πόλεμος* используется для обозначения борьбы эллинов и варваров. Война с варварами всегда оправданна; более того, в ней реализуется природная справедливость, поскольку она позволяет пленить и поработить «тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться»⁵. Через понятие раздора или распри, *στάσις*, описываются конфликты между греческими полисами. Они сравниваются с хворью, поразившей Элладу. Избавиться от этой хвори невозможно и даже опасно — изнеженные отсутствием войны полисы ослабевают и теряют независимость⁶, — но следует сделать борьбу греков между собой менее жестокой, то есть подчинить ее определенным нормам. Так в европейскую философию входит идея нравственно-го ограничения войны.

На следующем этапе ее концептуализации, в Древнем Риме, дискуссия о войне будет помещена в юридический контекст. Сочинения Марка Туллия Цицерона (106–43 до н.э.) хорошо демонстрируют, как нормы гражданского права, например теория договорных отношений, переносились на сферу войны, представлявшую собой не что иное, как средство решения правовых коллизий. Сторона, чье право оказалось ущемлено, может обратиться к военному насилию ради восстановления этого права. Справедливыми причинами войны Цицерон называет возвращение собственности, возмещение морального ущерба, поддержание славы государства, установление господства, войну на уничтожение против народа, соседство с которым невозможно, и помощь союзникам⁷. Однако к войне следует обращаться в последнюю очередь, она всегда менее предпочтительна, нежели переговоры: «Так как существует два способа разрешать споры, один — путем обсуждения, другой — силой, причем первый свойствен человеку, второй — диким зверям,

5. Аристотель. Политика (1256b) // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.

6. Платон. Политик (307e) // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4.

7. Цицерон. Об обязанностях (1.11.36; 1.12.38) / Пер. с лат. В. О. Горенштейн // Он же. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993; Он же. О государстве (3.23.34) / Пер. с лат. В. О. Горенштейн // Он же. Диалоги. М.: Ладомир, 1994.

то ко второму надо обращаться тогда, когда воспользоваться первым невозможно»⁸. Саму же войну должно вести сдержанно, отказавшись от чрезмерного насилия, а «после победы надо сохранять жизнь тем, кто во время войны не был ни жесток, ни свиреп»⁹.

Христианская доктрина справедливой войны

Раннехристианские авторы занимали преимущественно пацифистские позиции. В сочинениях ряда Отцов Церкви (Ориген, Тертуллиан) делается акцент на этике ненасилия, характерной для Евангелия. В трактате «Об идолопоклонстве» Тертуллиан подчеркивает запрет на участие в войне как непозволительном деле для христианина: «...хоть к Иоанну и приходили солдаты, и приняли они некую форму благочестия, а центурион так даже уверовал, но всю последующую воинскую службу Господь упразднил, разоружив Петра»¹⁰. После того как в IV веке христианство стало государственной религией Римской империи, позиции Церкви относительно пацифизма и ненасилия были пересмотрены. Амвросий Медиоланский (340–397) и Аврелий Августин (354–430) создали христианскую доктрину справедливой войны (*bellum justum*), объяснявшую, когда и по каким причинам христиане могут обращаться к военной силе и каким образом следует ее применять. Миланский епископ вводит идею войны, санкционированной Богом. Примером для него служит царь Давид, который «не начинал войны иначе, как по испрошении совета (II Цар. V:19 и сл.) от Господа»¹¹. Именно такая война, ведущаяся с благословения Бога и буквально руководимая им, приемлема для христиан. Насилие не осуждается, когда оно становится средством служения другим, способом обеспечения жизни политического сообщества, к которому принадлежат христиане¹². На войне, однако, не все дозволено: «атлет Христов» получает венец «только в том случае, если он сражается законно»¹³. Военная прагматика должна соотноситься с христианской моралью. Милосердие, кротость и умеренность не менее важны, чем храбрость.

8. Он же. Об обязанностях (1.11.34).

9. Там же (1.11.35).

10. Тертуллиан. Об идолопоклонстве / Пер. с лат. И. Маханькова // Избр. соч. М.: Прогресс, 1994. С. 266. Он ссылается на Новый Завет: Лк. 3:14 и Ин. 18:11.

11. Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей (I.XXXVI. 181–182) / Пер. с лат. Гр. Прохорова. М.; Рига: Благовест, 1995.

12. См. об этом: Johnson J. T. Ethics and the Use of Force: Just War in Historical Perspective. Surrey: Ashgate, 2011. P. 16.

13. Амвросий Медиоланский. Указ. соч. (I.XXXVI.181–182).

Ученик Амвросия епископ Гиппонский, Аврелий Августин, сыграл наиболее важную роль в формировании христианского учения о войне. Он исходит из невозможности обретения вечного мира на земле. Насилие неизменно будет спутником земной жизни, однако с его помощью можно бороться с грехами; война может стать средством воздаяния за прегрешение. В этом можно увидеть сходство с античным, римским представлением о войне. Принципиальное отличие заключается в том, что Августин и другие христианские авторы воспринимают справедливую войну как дело, непосредственно порученное им Богом, — мысль абсолютно чуждая римской правовой традиции понимания войны. По мнению Августина, война санкционируется Богом и в первую очередь является отмщением за грехи. Важно не только восстановить справедливость (как в Античности), но и наказать, а в дальнейшем исправить грешника. Война-наказание (*bellum punitivum*) на долгое время становится главенствующей парадигмой осмысления этого явления.

Войну следует рассматривать как одну из духовных обязанностей правителей, а ее участники идут на жертвенное мученичество, причем не только ради себя, но и ради своего врага, через борьбу приводя его к спасению. Среди непосредственных справедливых причин войны (*causa justa*) Августин выделяет наказание грешников, возвращение захваченной собственности и самооборону. Как и Цицерон, Августин называет войну крайним средством, к которому обращаются, когда все иные, мирные способы решения конфликта исчерпаны и не остается иного выбора, кроме как применить силу. Вслед за Амвросием он утверждает, что милосердие определяет способ поведения на войне. Христианским воинам следует действовать без любви к насилию, мстительной жестокости, необузданной и непримиримой враждебности, исступленной ненависти, жажды власти.

Именно в сочинениях Амвросия и Августина кристаллизуется основная теоретическая рамка нравственного взгляда на войну: справедлива война, которая начинается при условии соблюдения ряда моральных правил (впоследствии получивших название *jus ad bellum*, в переводе с латинского буквально — «право на войну») и ведется согласно еще одному набору нравственных принципов (*jus in bello*, буквально — «право во время войны»). Принципы *ad bellum* определяют условия вступления в войну. Они нужны для четкой регламентации и в итоге минимизации числа случаев, когда война становится допустимым способом разрешения конфликтов. Принципы *in bello* определяют допустимые способы ведения войны, запрещая применение тех или иных средств и ограничи-

вая круг лиц, на которых можно нападать. Они призваны снизить степень жесточенности войны и сократить количество ее жертв.

Фома Аквинский (1225–1274) систематизировал и дополнил августинианское учение о войне. Оправдывая ее обоснованность, Фома вводит метафору врачебной операции по отсечению какого-либо органа — это действие является необходимым злом, способствующим оздоровлению всего организма¹⁴. В равной степени и справедливая война оздоравливает общественный организм. Иными словами, она выступает как средство обеспечения общего блага.

К принципу правого дела (наличие веской причины для войны) добавляется четко артикулированный принцип легитимной власти, или «полномочности правителя» (*auctoritas principis*). По-настоящему оригинальным стало учение Аквината о добрых намерениях. Он оправдывает военное насилие при условии, что оно служит наказанию грешников, борьбе с тиранией, самозащите и борьбе с еретиками и отступниками. Этими причинами ограничиваются и дозволенные цели войны, иначе «случается так, что война объявляется законной властью и по справедливой причине, но, тем не менее, является несправедливой в силу злого намерения»¹⁵. Иными словами, запрещается отступать от изначальной благой цели ведения войны. Для Фомы значимо, что справедливый воин-миротворец и остается им, даже когда начинает войну. Миротворчество в данном случае связано с очищением несправедливого противника от греха — поражение оказывается благом для грешника.

Новым этапом развития христианской доктрины справедливой войны стала концепция, предложенная в лекциях и трактатах докторов Саламанкской школы: Франсиско де Витории (1486–1546), Луиса Молины (1535–1600), Франсиско Суареса (1548–1617). Первый из них отказывается от концепта пунитивной войны, доказывая, что единственной обоснованной причиной войны может быть только серьезное ущемление права, то есть правонарушение или несправедливость (*iniuria*)¹⁶. Это уже строго правовой подход к войне. Витория опирается на учение о праве народов (*jus gentium*), что позволяет ему универсализировать свои выводы. Среди действий, нарушающих право народов, он особо выделяет агрессивное нападение. Также законным поводом для войны он называет ограничение свобод передвижения, общения, коммерции, про-

14. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–II (Вопрос 64)/Пер. с лат. А. А. Юдина, С. И. Еремеева. Киев: Ника-Центр, 2013.

15. Там же (Вопрос 40).

16. Vitoria F. De iure belli// Relectiones theologicae. Matrity, 1725. P. 232.

поведи и распространения христианской веры, нарушение закона гостеприимства, обеспечение безопасности незащищенных перед лицом нечестивых обычаев (человеческие жертвы, каннибализм), помощь союзникам. В этом списке явно просматривается апологетика права европейцев на завоевания в Новом Свете, однако идея справедливого приобретения земель здесь присутствует лишь опосредованно¹⁷. Примечательна также идея частичной справедливости обеих сторон конфликта: в затяжных войнах зачастую сложно однозначно выявить правонарушителя и его жертву. Противники могут приводить убедительные доводы в пользу справедливости своего участия в войне. Решение этой коллизии Витория находит в перемещении акцента с обсуждения оснований для войны на обсуждение того, как именно борются стороны. Витория готов признать войну справедливой, если она ведется с помощью сдержанного насилия и без обращения к запрещенным методам. В этом случае нормы *jus ad bellum* обладают меньшим значением, нежели принципы *jus in bello*. Он допускает, однако, и обратную ситуацию. Если одна из сторон однозначно справедлива, то для нее почти не существует ограничений в средствах ведения войны (помимо желательной сдержанности и христианского смирения)¹⁸.

Во многом труды Франсиско де Витории, Луиса Молины, Франсиско Суареса определили последующие трансформации доктрины справедливой войны. С опорой на их работы Гуго Гроций совершает своеобразную революцию, секуляризовав учение о войне.

Новое время: секуляризация этики войны

Нидерландский юрист Гуго Гроций (1583–1645) опубликовал в 1625 году объемный труд «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права» (*De jure belli ac pacis libri tres*)¹⁹. Гроций использует основные положения учения о войне Саламанкской школы, но помещает их в контекст теории естественного права (*jus naturale*) и, что еще важнее для него, теории права народов (*jus gentium*). Таким образом, вопрос о нормативном статусе войны переносится Гроцием в сферу права, которое установлено между суверенными государствами. Появление этого права он связывает с их стремле-

17. Шмунт К. Номос земли в международном праве *jus publicum Europaeum* / Пер. с нем. К. Лощевского, Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 105.

18. Vitoria F. Op. cit. P. 251–252.

19. Гроций Г. О праве войны и мира / Пер. с лат. А. Л. Саккетти. М.: Ладомир, 1956.

нием жить в безопасности и вести благую жизнь. Ключевая обязанность, способствующая этому, — соблюдение государствами договоров, заключенных между собой. Нарушителя договоров, угрожающего всеобщей безопасности, можно карать с помощью военной силы, поскольку не существует суда для решения споров в межгосударственных отношениях: «война ведется против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке»²⁰.

Правонарушение — справедливая причина для начала войны. Целью справедливой, то есть получившей правовую легитимацию, войны может быть защита себя или союзника (*defensio*), возвращение имущества (*recuperatio rerum*) и наказание преступника (*punitio*). Основание права государств на вынужденное применение насилия (ветхозаветное по своей природе, как доказывает Рубен Апресян) Гроций совмещает с христианской моралью и миролюбием. Он замечает, что «благочестивее и правильнее не воспользоваться»²¹ своим правом на применение насилия. Война для него — крайнее средство.

Гроций вводит еще одно положение, ограничивающее право государей начинать войну. Еще до боевых действий необходимо оценить собственные силы и шансы победить в войне. На современном языке теории справедливой войны это называется принципом вероятности успеха.

Примечательно также, что Гроций порицает участие в несправедливой войне даже по принуждению. Ранние авторы, как правило, не осуждали подчинение власти, вынуждающей участвовать человека в войне. Гроций повышает планку личной ответственности, заявляя, что «Богу следует повиноваться более, чем людям»²². Требование объявлять войну публично и объяснять причины ее начала должно дать будущим ее участникам шанс оценить характер конфликта и принять решение о допустимости участия.

В том, что касается способа ведения войны, он повторяет идею ограничения насилия нуждами «необходимой обороны»²³. Жертвы и ущерб должны быть соразмерны причиненному вреду. Однако Гроций оправдывает косвенные последствия вреда, причиняемого ведущим справедливую войну: ответственность за непреднамеренный или непредсказуемый ущерб снимается с него. Такая позиция делает Гроция одним из ранних апологетов доктрины двойного эффекта.

20. Там же. С. 50.

21. Там же. С. 547.

22. Там же. С. 566.

23. Там же. С. 572.

В интеллектуальном плане ему наследовала целая группа крайне сильных авторов, споря с ним или уточняя различные положения его теории права войны и мира: Самуэль фон Пуфендорф, Христиан Вольф, Фрэнсис Хатчесон, Эмер де Ваттель.

В XVII–XVIII веках становится популярным еще один род литературы, проблематизирующий войну, — трактаты о вечном мире. Наиболее известен трактат Иммануила Канта, хотя он не был ни первым, ни наиболее оригинальным автором в этой сфере. До него работы схожей тематики публиковали аббат Шарль Сен-Пьер²⁴ и Жан-Жак Руссо²⁵. Тем не менее текст Канта показателен. Это не просто нравственная критика войны — таких радикально пацифистских работ было немало и в Древнем Востоке, Китае (Мо-Цзы), и в средневековой Европе (Эразм Роттердамский).

Кант признает, что для его эпохи война остается одним из необходимых элементов взаимодействия государств между собой. Испорченность человеческой природы, по его мысли, заставляет людей прибегать к насилию. Однако человеку по природе присуще также стремление к жизни без страха и опасения быть убитым. Ради выполнения этого естественного требования необходимо путем постепенного реформирования перейти в состояние вечного мира, что Кант признает высшим политическим благом²⁶. Можно говорить и об определенном прагматическом аргументе Канта против войны. Немецкий философ ощущает высокую степень международной интеграции, которая делает конфликты невыгодными даже для государств, не участвующих в них: «...тесное общение между народами земли развилось всюду настолько, что нарушение права в *одном* месте чувствуется во *всех* других»²⁷. Итак, состояние мира без войны можно помыслить, его следует использовать в качестве морального идеала, и Кант дает ряд рекомендаций относительно того, как со временем можно было бы избавиться от вооруженных конфликтов.

Кант полагает, что государства могут выйти из состояния постоянной явной или скрытой враждебности, если заключат между собой договор, состоящий из шести прелиминарных, трех

24. Сен-Пьер Ш. Избранные места из проекта вечного мира (в изложении Ж.-Ж. Руссо, 1760) / Пер. с фр. И. И. Кравченко // Трактаты о вечном мире. СПб.: Алетейя, 2003. С. 136–161.

25. Руссо Ж.-Ж. Суждение о вечном мире / Пер. с фр. И. И. Кравченко // Трактаты о вечном мире. СПб.: Алетейя, 2003. С. 162–172.

26. Кант И. Метафизика нравов в двух частях / Пер. с нем. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканьяна // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 6. С. 392.

27. Он же. К вечному миру / Пер. с нем. А. В. Гулыги // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 279.

дефинитивных статей и одной тайной. Все они призваны обеспечить такое изменение в отношениях между государствами, которое сделало бы войну бессмысленной и абсолютно неприемлемой. Наиболее важны дефинитивные, или окончательные, статьи:

- 1) гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским;
- 2) международное право должно быть основано на федерализме свободных государств;
- 3) право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства.

Реализация идеала вечного мира связана с построением глобальной федерации республиканских государств, граждане которых руководствуются принципом всеобщего гостеприимства, то есть невраждебного отношения к чужестранцу. До появления такого союза народов Кант предлагает начинать войны и вести их, придерживаясь строгих ограничений. В этом отношении он оказывается близок к теоретикам справедливой войны. Существенный его вклад в теорию состоит в определении особых норм и правил действий на финальной стадии войны — уже после заключения мира. Кант запрещает контрибуции и наказания для побежденных, считает недопустимым лишать население поверженной страны гражданских прав и свобод. Все эти меры должны служить прекращению враждебности, а в наше время в литературе их выделяют в качестве третьего компонента теории справедливой войны — принципов *jus post bellum* («право после войны»).

Философия войны Клаузевица и формирование системы права войны и мира

Сочинения Канта, а также Иоганна Готлиба Фихте повлияли на автора, за которым закрепилась слава «философа войны», — Карла фон Клаузевица (1780–1831). В незаконченном сочинении «О войне», опираясь на собственный опыт участия в наполеоновских войнах, Клаузевиц не только дает конкретные рекомендации по ведению боевых действий, но и рассуждает о войне как таковой в ее абстрактной, чистой форме. В результате его труд подробно характеризует войну эпохи модерна.

Клаузевиц определил войну как «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»²⁸. Это определение

28. Клаузевиц К. О войне / Пер. с нем. А. Рачинского. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 20.

указывает на ключевую характеристику войны — ее насильственную природу. Однако подобная дефиниция не позволяет нам отличить от войны акт домашнего насилия, столкновение криминальных групп или действия полицейского по отношению к правонарушителю. Такое широкое понимание войны долгое время было типичным. С Античности и как минимум до Нового времени авторы выделяли публичные и частные войны: первые велись политическими сообществами, вторые — частными лицами. Однако сейчас, если о войне говорится в прямом смысле слова, подразумевается в первую очередь столкновение политических субъектов.

Клаузевиц наиболее известен тезисом «Война есть продолжение политики, только иными средствами», и этот тезис иллюстративен. Две сферы целеполагания — политическая и военная — разводятся, и последняя подчиняется первой. Политические цели, из которых рождается война, определяются правительством. Военные цели прежде всего имеют своим объектом вооруженные силы, территорию и волю противника, поскольку, как видно из приведенного выше определения, война предполагает принуждение противника исполнить нашу волю с помощью силы. На первый план выдвинута не военная (лишить противника возможности сопротивляться), но политическая цель, и состоит она в навязывании противнику собственной воли. Достижение же этой цели лежит в области насилия. На фоне действия политических задач и целей война становится всего-навсего орудием, инструментом, с помощью которого эти цели достигаются, и только в абстрактной, идеальной форме политическая и военная цели совпадают.

Совершенно естественным для Клаузевица становится понимание того, что война находится исключительно в ведении государства, но не частного лица, что отличает его, например, от Гроция, который называл столкновения между отдельными людьми частными войнами. Только конфликт политических субъектов признается войной, и все акторы политической жизни государства — народ, армия и правительство — становятся полноправными участниками войны.

Неверно было бы утверждать, что в этой триаде преимущество отдается армии как наиболее важному элементу системы. Коль скоро цель войны состоит в принуждении противника к исполнению нашей воли, то победа не обязательно определяется через сумму успешно проведенных армейских операций. Клаузевиц акцентирует внимание на психологических и социальных аспектах войны. Генеральные сражения, напрягающие все силы армии, важны, однако успешное ведение и понимание войны требует

не только анализа действий армий, но и внимательного исследования моральных, экономических и политических сил каждого из участников противоборства. А победа в войне предполагает не только необходимость уничтожения армии противника, но и возможность реализации собственной власти на завоеванной территории в долгосрочной перспективе. Клаузевицу удалось дать обобщающую характеристику тому типу войны, который был актуален вплоть до наступления эпохи тотальных войн, однако в некоторых частях его учение релевантно и сейчас.

XIX век представляет собой значимый рубеж, поскольку в это время закладываются основы современной кодификации международного права. Проводятся мирные конференции в Женеве, Гааге, Санкт-Петербурге. Принятые на них конвенции определяют правила ведения войны, обязанности и права участников вооруженных конфликтов и их жертв. Войну пытаются не только осудить морально, но и обозначить юридическую ответственность за чрезмерную агрессивность или жестокость. Первые женевские конвенции касались участи раненых и больных военных. Гаагские декларации запрещали применение некоторых видов оружия (снаряды с душающими газами, метание взрывчатых веществ с воздуха, разрывные пули), а гаагские конвенции определяли правила ведения различных видов войны и статус их участников. После Первой и Второй мировых войн деятельность по развитию системы международного гуманитарного права продолжилась созданием Организации Объединенных Наций и принятием женевских конвенций 1949 года. Была запрещена агрессивная война, зафиксировано различие статусов комбатантов и некомбатантов, определена мера ответственности за военные преступления. Международное гуманитарное право не решает всех проблем, связанных с ведением войны, однако сама деятельность по установлению ограничительных мер и защите жертв войны крайне важна.

Политический реализм и новая парадигма теории справедливой войны

В середине XX века одной из наиболее влиятельных теорий политики и войны становится концепция политического реализма, получившая признание не только ученых, но и политиков и дипломатов. Она приходит из политической науки, из теории международных отношений, однако имеет в том числе и философскую составляющую. Важным элементом концепции оказываются исторические и философские сочинения Фукидида, Никколо Макиавелли и То-

маса Гоббса. Принимая во внимание их представления о человеке, морали и политике, такие теоретики, как Эдвард Карр (1892–1982), Ханс Моргентгау (1904–1980) и Райнхолд Нибур (1892–1971), развивают доктрину классического реализма, которая во второй половине XX века была обновлена Кеннетом Уолтцем (1924–2013).

Сфера международных отношений понимается реалистами как пространство борьбы за свои интересы между государствами, выступающими с монополией на применение насилия. Они обеспокоены, с одной стороны, жадой власти, с другой — стремлением обезопасить себя. Сочетание этих амбиций и желаний заставляет искать состояния равновесия или баланса сил, когда ни одно государство не является достаточно сильным, чтобы суметь подчинить себе все остальные. Это стремление продиктовано эгоистическим благоразумием и не связано с необходимостью исполнения какого-либо морального закона или норм международного права. Этика если и не исключается в абсолютной степени политическими реалистами из области мировой политики, то получает инструментальное преломление.

Как видно, мир политики, по мнению реалистов, полемичен по своей сути. Государства находятся в гоббсовом естественном состоянии и не могут выйти из него. Война оказывается одним из целого ряда средств ведения политики, и обращаются к ней в ситуации, когда другие средства перестают служить делу поддержания баланса сил.

В полемике с реализмом в 1960–1970-е годы возрождается теория справедливой войны. Знаковым событием стала публикация в 1977 году книги Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями»²⁹. В наше время эта теория превратилась в одну из самых разработанных философских концепций войны. В ее концептуализации участвуют, помимо самого Уолцера, множество авторов по обе стороны Атлантики: Джефф Макмаан, Брайан Оренд, Николас Фоушин, Дэвид Родин, Майкл Игнатъевф, Мартин Кук, Хенрик Сисе, Хелен Фроу.

Обновление теории справедливой войны связано с серьезной переоценкой ее исходных положений. Если в прошлом базовым элементом была доктрина войны как наказания или войны за безопасность суверенного государства, то сейчас фокус теории перемещается на доктрину борьбы за права человека. Война признается формой защиты прав допустимыми силовыми методами.

29. *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations.* N.Y.: Basic Books, 2015.

Теоретики справедливой войны исходят из того, что основным принципом международных отношений должен быть принцип невмешательства, но «война иногда необходима»³⁰, если она может быть оправдана с точки зрения этики. Моральный компонент дискуссии о войне представляется определяющим, поскольку, принимая во внимание все опасности и пороки войны, начало войны и ее ход всегда подлежат рассмотрению с точки зрения этики. При этом моральное обоснование дается не войне как таковой (она остается злом), но необходимости участия в ней и способу ее ведения. Дать подобную моральную оценку войне можно с помощью ряда принципов *jus ad bellum*, *jus in bello* и *jus post bellum*. Если ведущее войну политическое сообщество соблюдает эти принципы, то война признается справедливой.

Нормы *jus ad bellum* действуют на этапе принятия решения о войне. Их цель — ограничить ситуации, когда обращение к военному насилию может считаться обоснованным. К ним обычно относят следующие принципы:

- правое дело — должна существовать действительно веская причина, чтобы участие в войне было признано морально необходимым. Как правило, такими причинами являются: самооборона в случае агрессии и помощь жертве агрессии, то есть союзническая помощь; борьба за национальное освобождение; необходимость защитить граждан другого государства от порабощения или уничтожения, то есть гуманитарная интервенция;
- легитимная власть — решение о войне должно приниматься только лицом или лицами, законным образом наделенными подобными полномочиями;
- вероятность успеха — необходимо оценить шансы на победу в войне и при сомнениях в будущем успехе отказаться от участия в ней;
- пропорциональность — война должна быть уместной мерой ответа на совершенное беззаконие. Только действительно серьезные нарушения прав политических сообществ или людей могут санкционировать войну. Кроме того, польза от будущей кампании должна значительно превосходить все грядущие потери;
- добрые намерения — государство, вступая в войну, в соответствии с принципом правого дела отвечает на некое серьезное нарушение права. Необходимо ограничить цели

30. Ibid. P. 3.

войны мерами, которые прекратят это нарушение. Справедливая война не может служить тайным агрессивным или эксплуататорским целям государства, которое ее ведет;

- крайнее средство — перед тем, как обратиться к военному насилию, необходимо испробовать все прочие способы урегулирования конфликтов: переговоры, экономические и политические санкции, выдвижение ультиматумов.

Принципы *jus in bello* регулируют способ ведения войны. Они должны снизить жестокость конфликта и минимизировать потери. Традиционно выделяются два таких принципа:

- пропорциональность — при конкретной военной операции или акции необходимо соблюсти баланс пользы и вреда; недопустимо использовать излишнее насилие для достижения целей, которые требуют меньшей меры насилия;
- различие (дискриминация) — участники войны должны проводить различие между легитимными и нелегитимными целями, между комбатантами и гражданским населением; нападение на гражданское население всегда запрещено и преступно, в некоторых случаях недопустимо атаковать и комбатантов.

В последние годы активно обсуждаются нормы, которыми следует руководствоваться при заключении мирного соглашения. Они получили названия принципов *jus post bellum*, а смысл их заключается в определении условий послевоенного восстановления мирных отношений с несправедливым противником. Пока что не существует единого списка этих принципов, как в случае с принципами *jus ad bellum* и *in bello*. Но, опираясь на работы Брайана Орента, можно выделить ряд значимых положений:

- пропорциональность — требования в отношении проигравшего врага должны соответствовать мере ущерба, который причинили его агрессивные действия;
- восстановление прав — не может оспариваться право противника на суверенитет и территориальную целостность;
- наказание для политического руководства и военных — необходимо наказать обозначенные группы пропорционально тому ущербу, который принесли их решения или действия;
- компенсации — агрессор обязан возместить убытки потерпевшей справедливой стороне;
- реконструкция — необходимо провести реформу политического и военного аппарата противника с тем, чтобы не допустить повторения агрессивных действий с его стороны.

Теория справедливой войны не существует в виде школы с единым канонам. Ее сторонников объединяет убеждение, что участие в войне при определенных условиях может быть морально оправданным, то есть она может быть названа справедливой. Но в конкретных деталях принципов, делающих войну справедливой, приверженцы этой теории могут сильно расходиться. В узком смысле можно говорить о теории справедливой войны как об инструменте определения степени моральной обоснованности вооруженного конфликта — необходимо только обратиться к списку норм *jus ad bellum, in bello* и *post bellum*. Однако представляется, что значение теории справедливой войны несколько больше — она во многом определяет способы обсуждения войны, которые приняты как в мире политики, так и на обыденном уровне.

Библиография

- Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. М.; Рига: Благовест, 1995.
- Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
- Гераклит. Фрагменты // Фрагменты ранних греческих философов / Сост. и пер. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1.
- Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1956.
- Кант И. К вечному миру // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7.
- Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 6.
- Платон. Политик // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4.
- Руссо Ж.-Ж. Суждение о вечном мире // Трактаты о вечном мире. СПб.: Алетейя, 2003. С. 162–172.
- Сен-Пьер Ш. Избранные места из проекта вечного мира (в изложении Ж.-Ж. Руссо, 1760) // Трактаты о вечном мире. СПб.: Алетейя, 2003. С. 136–161.
- Тертуллиан. Об идолопоклонстве // Избр. соч. М.: Прогресс, 1994.
- Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–II. Киев: Ника-Центр, 2013.
- Фон Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.
- Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
- Цицерон. О государстве // Он же. Диалоги. М.: Ладомир, 1994.
- Цицерон. Об обязанностях // Он же. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993.
- Шмитт К. Номос земли в международном праве *jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Johnson J. T. Ethics and the Use of Force: Just War in Historical Perspective. Surrey: Ashgate, 2011.
- Orend B. The Morality of War. N.Y.: Broadview Press, 2006.
- Vitoria F. De iure belli // Relectiones theologicae. Matriti, 1725.
- Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N.Y.: Basic Books, 2015.

PHILOSOPHY OF WAR: A BRIEF HISTORY

ARSENIY KUMANKOV. Senior Lecturer, School of Philosophy, Faculty of Humanities, akumankov@hse.ru.

National Research University Higher School of Economics (HSE), 21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.

Keywords: war; law of nations; just war theory; political realism; Saint Augustine; Hugo Grotius; Michael Walzer.

The article provides a brief historical overview of the understanding of war in European thought. It provides a chronological account of the transformation in the perception of war as a socio-political phenomenon, particularly from the standpoint of ethics and political theory. The author examines the main approaches that ancient philosophy applied to the moral assessment of war. Plato and Aristotle are ambivalent toward war, maintaining that judgment of a war depends on its compatibility with natural justice. In the works of Christian authors, the basis of this uncertainty rests on the idea that God is the source of justice.

The paradigm of punitive war became the core of the Christian doctrine of just war. In the modern era, the philosophical perception of war came to be secularized. Theological evaluation of armed conflicts was replaced by a legalistic appraisal. The article considers the influence of Grotius and his followers on the process of replacing the punitive paradigm of just war with a legalistic paradigm. However, by the eighteenth century renunciation of war and yearning for perpetual peace had become a popular line of thinking exemplified in Kant's comments on that matter. The author then invokes the legacy of Clausewitz in order to explain the main features of modern views on war as a function reserved exclusively for the state. The article concludes with a comparative review of approaches to the evaluation of war by political realists and contemporary just war theorists.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-99-114

References

- Ambrosius Mediolanensis. *Ob obiazannostiakh sviashchennosluzhitelei* [De officiis ministrorum], Moscow, Riga, Blagovest, 1995.
- Aristotle. *Politika* [Politics]. *Soch.: V 4 t.* [Collected Works: In 4 vols], Moscow, Mysl', 1983, vol. 4.
- Cicero. *O gosudarstve* [On State]. *Dialogi* [Dialogues], Moscow, Ladomir, 1994.
- Cicero. *Ob obiazannostiakh* [On Duties]. *O starosti. O druzhbe. Ob obiazannostiakh* [On Old Age. On Friendship. On Duties], Moscow, Nauka, 1993.
- Grotius H. *O prave voiny i mira* [De Jure Belli ac Pacis], Moscow, Ladomir, 1956.
- Heidegger M. *Vvedenie v metafiziku* [Einführung in die Metaphysik], Saint Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaia shkola, 1998.
- Heraclitus. *Fragments* [Fragments]. *Fragmentsy rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of Early Greek Philosophers] (ed., trans. A. V. Lebedev), Moscow, Nauka, 1989, pt. 1.
- Johnson J. T. *Ethics and the Use of Force: Just War in Historical Perspective*, Surrey, Ashgate, 2011.
- Kant I. *K vechnomu miru* [Zum ewigen Frieden]. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 7.

- Kant I. Metafizika nravov v dvukh chastiakh [Metaphysik der Sitten]. *Sobr. soch.:* V 8 t. [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 6.
- Orend B. *The Morality of War*, New York, Broadview Press, 2006.
- Plato. Politik [Politician]. *Sobr. soch.:* V 4 t. [Collected Works: In 4 vols], Moscow, Mysl', 1994, vol. 4.
- Rousseau J.-J. Suzhdenie o vechnom mire [Judgment of Perpetual Peace]. *Traktaty o vechnom mire* [Treatises on Perpetual Peace], Saint Petersburg, Aleteiia, 2003, pp. 162–172.
- Saint-Pierre Ch. Izbrannye mesta iz proekta vechnogo mira (v izlozhenii Zh.-Zh. Russo, 1760) [Selected Fragments from the Perpetual Peace Project (as Expounded by J.-J. Rousseau)]. *Traktaty o vechnom mire* [Treatises on Perpetual Peace], Saint Petersburg, Aleteiia, 2003, pp. 136–161.
- Schmitt C. *Nomos zemli v mezhdunarodnom prave jus publicum Europaeum* [Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2008.
- Tertullianus. Ob idolopoklonstve [On Idolatry]. *Izbr. soch.* [Selected Works], Moscow, Progress, 1994.
- Thomas Aquinas. *Summa teologii. Chast' II-II* [Summa theologiae. II-II], Kiev, Nika-Tsentr, 2013.
- Vitoria F. De iure belli. *Relectiones theologicae*, Matrity, 1725.
- Von Clausewitz C. *O voine* [Vom Kriege], Moscow, Saint Petersburg, Eksmo, Midgard, 2007.
- Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*, New York, Basic Books, 2015.